

Глава 37

От голода и на людей бросаюсь.

Чжуан Янь впервые осознал, насколько изощрённым может быть владение Чжун Цина идиомами.

Ему казалось, будто он существует в двух параллельных мирах. Его душа была изранена в клочья, но тело продолжало функционировать как ни в чём не бывало.

Сердце мерно и сильно билось, гоня кровь по венам. Какой добросовестный орган! Словно у него был свой собственный сценарий жизни, и он, невзирая на волю хозяина, вёл это тело к predetermined будущему — будущему, наполненному бесконечной работой, будущему, в котором не было места Чжун Цину.

В тот миг Чжуан Янь ощутил всепоглощающую скуку.

Чжун Цин уголком своей одежды протирал его воротник. Лунный свет падал на его руки, делая их белыми, как нефрит.

Но Чжуан Янь смотрел не на руки, а на глаза, скрытые в тени.

Глаза, в которые можно было смотреть бесконечно и каждый раз тонуть в их глубине. Даже в полумраке его светло-карие зрачки оставались прозрачными, как родниковая вода, и в них, как на ладони, читались все эмоции.

Тревога, вина, раскаяние, смущение, даже страх... но только не стыд.

Тот, кто стоял в тени, был абсолютно спокоен, в то время как тот, кто был залит лунным светом, хранил в себе тёмную тайну.

Чжуан Янь опустил голову, избегая взгляда Чжун Цина, и посмотрел на его руки.

На фоне тёмных винных пятен они казались ослепительно белыми. Чжуан Янь вспомнил ту лунную ночь пять лет назад, когда руки Чжун Цина точно так же лежали на его груди.

Это была вторая ночь после того, как отец Чжун Цина покончил с собой, не вынеся смерти любимой жены. Он нашёл уставшего Чжун Цина в углу конюшни и на спине отнёс его домой.

Он уже не помнил ни ржания лошадей, ни запаха сена, когда они проходили через конюшню. Он помнил только, как лунный свет падал на свисавшую руку Чжун Цина, и под тонкой кожей

отчётливо проступали голубые вены, такие хрупкие, словно вот-вот растворятся.

Он просидел у его постели всю ночь, а на рассвете ему позвонила бабушка Янь.

И тогда он согласился на её предложение, которое она повторяла уже два года.

После того как отец Чжуан Яня перенёс инсульт, старший брат сел в тюрьму, а младшие родственники выросли избалованными бездельниками, он стал наследником семьи Чжуан. Он унаследует всё состояние, а взамен пожертвует всем своим временем и силами, чтобы поддерживать на плаву этого колосса, кормить бесчисленных сотрудников и своих кровных родственников, с которыми они друг друга на дух не переносили.

С тех пор он стал одновременно и хозяином, и рабом этого гиганта.

Он отдал своё будущее этому шатающемуся колоссу лишь для того, чтобы обрести уверенность.

Повесив трубку, он с твёрдой улыбкой сказал проснувшемуся Чжун Цину:

— Не бойся, у тебя есть я.

Воспоминание обрушилось на него, как удар грома, вырвав из апатии.

Он всё ещё не знал, как жить без Чжун Цина, но тело уже среагировало.

Он улыбнулся той же улыбкой, что и в ту лунную ночь пять лет назад, обнял испуганного, обеспокоенного человека и сказал:

— Не бойся... я не виню тебя.

***

Чжун Цин был на грани.

Из чувства вины за то, что он приставал к своему лучшему другу, он некоторое время вёл себя смиренно. Целых два месяца он жил по строгому распорядку: после занятий сразу же ехал домой с Чжуан Янем. Даже если тот задерживался на работе, он ехал в корпорацию «Чжуан» и ждал его там.

Чтобы выразить своё раскаяние, он проявил чудеса домовитости: забрал испачканную вином одежду, заявив, что стирает её сам. Однако, как он ни старался, не смог найти на ней

ярлыка и в итоге попросил специального помощника Чэня тайно отвезти одежду к бабушке Янь, чтобы семейный портной сшил точную копию.

Но как только чувство вины прошло, Чжун Цин снова стал тосковать по своей игровой приставке и партнёрам по играм.

Он набросал на черновике бесчисленное множество планов побега, но тут же их все зачеркнул.

Чжуан Янь, казалось, не сердился из-за того инцидента, но Чжун Цин чувствовал, что с тех пор он стал каким-то странным.

Раньше Чжуан Янь, воспитывая его, казался строгим, но на самом деле был бумажным тигром: стоило Чжун Цину немного покапризничать, как он тут же сдавался. Теперь же Чжуан Янь стал мягче, но его мягкость была похожа на непроницаемую сеть, которая опутывала все уловки и хитрости Чжун Цина, не давая им ни малейшего шанса.

Чжун Цин терпеливо ждал своего часа, и когда он был уже на грани безумия, этот час наконец настал.

В день рождения своего дяди он сразу после занятий приехал в офис к Чжуан Яню и вежливо попросил разрешения пойти на праздничный ужин.

Чжуан Янь отложил ручку и с беспокойством спросил:

— Ты же его никогда не любил. Раньше никогда не ходил, почему в этом году решил пойти?

Чжун Цин быстро нашёл ответ:

— Ну, ему же пятьдесят исполняется. Я подумал, что стоит пойти и немного ему досадить.

— Я пойду с тобой.

— ...Я просто хочу ему досадить, а не отправить его на тот свет.

Чжуан Янь задумался, и Чжун Цин тут же принялся его уговаривать:

— Ну пожалуйста, сжался. Если ты пойдёшь, моему дяде будут сниться кошмары до следующего дня рождения.

— Специальный помощник Чэнь...

— Хорошо, хорошо, без проблем, пусть он от меня ни на шаг не отходит.

На лице Чжуан Яня промелькнула улыбка.

— Будь осторожен, — сказал он и, помедлив, добавил как бы невзначай: — И не пей.

Чжун Цин действительно пошёл на ужин и действительно досадил своему дядюшке.

Он устроил небольшой скандал, и именинник, не сумев сохранить лицо, решил отомстить. Но не успел он сказать и пары язвительных слов, как Чжун Цин, словно не выдержав, закрыл лицо руками и выбежал из зала.

Дядя Чжун остался в недоумении.

Специальный помощник Чэнь последовал за Чжун Цином и, увидев, что тот сел за руль, решил, что молодой господин расстроен и хочет немного проехаться, чтобы выпустить пар, и сел на заднее сиденье.

Не успел он устроиться, как в машину ворвались двое здоровенных мужчин. Прежде чем он успел среагировать, Чжун Цин рванул с места, а двое мужчин связали его по рукам и ногам.

«Спасите, это не дорога домой!» — мысленно взмолился Чэнь.

Когда они приехали на место, человек с заднего сиденья протянул Чжун Циному диктофон. Чжун Цин взял его и, выйдя из машины, жестом велел парковщику отогнать её.

Чэнь, с кляпом во рту, смотрел на сверкающий золотом вход в отель и мечтал провалиться сквозь землю.

Когда дверь в номер открылась, оттуда донёсся весёлый смех девушек.

Увидев Чжун Цина, они тут же освободили ему место:

— Скорее, скорее! У Юйюй рейтинговый матч!

Рядом с ними стояло роскошное игровое оборудование. Чжун Цин притащил сюда всё своё состояние, накопленное за долгие годы тайком, чтобы сегодня оторваться по полной.

Почувствовав в воздухе активные частицы модели, Чжун Цин твёрдо решил: сегодня никто не заставит его уйти отсюда!

Игра началась. Не успел Чжун Цин сделать и пары шагов своим персонажем, как зазвонил телефон.

Он ответил, и в трубке раздался голос:

— Чжун Цин, ты где?

Чжун Цин был в разгаре боя.

Обменявшись с противником всеми умениями, он успешно его добил.

— Я в дороге.

— От старого дома семьи Чжун до квартиры всего девяносто минут езды, — недовольно произнёс Чжуан Янь. — Ты ушёл два часа назад.

— Хорошо, — поправился Чжун Цин. — Я на самом деле на конюшне.

Участвуя в небольшой командной схватке, он включил диктофон, и из него донеслось ржание лошади.

— Я сегодня немного поссорился с дядей... — Чжун Цин сильно ущипнул себя за бедро, и его голос тут же задрожал от слёз. — Я соскучился по маме.

— Я приеду к тебе.

— Не нужно, Чжуан Янь, я сейчас хочу побыть один. Не волнуйся, со мной всё в порядке, утром всё пройдёт.

Пора было забирать первого дракона, и Чжун Цин, поспешно пробормотав ещё пару фраз и убедившись, что Чжуан Янь, кажется, поверил, повесил трубку.

Чжуан Янь положил телефон и посмотрел на маленькую красную точку на карте на экране.

Отель с горячими источниками, конюшня — два совершенно противоположных направления.

Наконец, после долгого молчания, он произнёс:

— Готовьте машину.

Несколько телохранителей в чёрном, стоявших в углу с опущенными головами, словно получили помилование и поспешно выскользнули за дверь.

Чжун Цин уже хозяйничал в лесу противника.

Он был горд своей предусмотрительностью.

Нужно было поблагодарить Чжуан Яня за идею с мегафоном. Перед ужином он специально попросил своего друга на конюшне записать ржание его любимой лошади и договорился с ним.

Он с детства так делал: когда ему было грустно, он убегал на конюшню, и Чжуан Янь прекрасно это знал.

Это было идеальное оправдание. Если Чжуан Янь поверит, то вечер пройдёт спокойно. Если не поверит и решит проверить, то пока он съездит туда и обратно, пройдёт четыре часа, и уже рассветёт. Даже если он узнает правду, будет уже слишком поздно.

Игра набирала обороты. После победы в командном бою они, естественно, обменивались рукопожатиями.

Хотя контакт длился всего несколько секунд, но ведь их было много!

Чжун Цин с благодарностью чувствовал, как частицы постепенно заполняют трещины в его модели, и боль понемногу утихает.

Но в следующую секунду все частицы мгновенно исчезли. Вернувшись с новой силой боль заставила его руку дрогнуть, и он, к своему унижению, погиб от руки противника, у которого было вдвое меньше золота.

Чжун Цин опешил.

Противник тоже опешил и долго кружил над его трупом, не решаясь уйти.

«Что случилось?» — спросил Чжун Цин.

[Главный герой-гун приехал,] — ответила Система.

Лицо Чжун Цина изменилось.

«Как это возможно?»

[Правда, он уже внизу.]

Чжун Цин поспешно передал игровую приставку наблюдавшей за игрой девушке и подбежал к окну.

Перед входом в отель, словно вражеская армия, стояло несколько чёрных машин, и во главе — до боли знакомый «Мазерати».

Он ахнул.

«Система! Почему ты не сказала мне раньше?!»

[Я и сам только что узнал!]

«Ты не мог за ним проследить?!»

[Я — порядочная система! Буду я ещё для тебя заниматься такими незаконными вещами?!]

Человек в машине открыл дверь и вышел. Словно почувствовав на себе чей-то взгляд, он поднял голову.

Чжун Цин с грохотом захлопнул окно.

— Чжун Цин, что случилось? — встревоженно спросили девушки.

— Чжуан Янь нашёл меня, — с бледным лицом ответил Чжун Цин.

К его удивлению, девушки ничуть не испугались. Переглянувшись, они захихикали.

Чжун Цин застыл.

Но времени на вопросы не было. Он метался по комнате, запихивая всё игровое оборудование в ванную, а затем затолкал туда и девушек.

— Всё моё состояние — в ваших руках, — с серьёзным видом сказал Чжун Цин. — Что бы ни случилось, не открывайте дверь. Чжуан Янь ни в коем случае не должен увидеть эти вещи!

Девушки, смеясь, согласились.

Чжун Цин взял халат и вышел.

Он снял одежду, накинул халат и стал думать, как сделать всё более правдоподобным.

На прикроватной тумбочке лежала пачка сигарет, которую принесла одна из девушек, — тонкие дамские сигареты с фруктовым вкусом.

Сигарета после секса!

Чжун Цин поспешно вытащил одну, но, не найдя зажигалки, постучал в ванную и попросил у девушек огня.

Первая же затяжка вызвала приступ кашля, от которого на глазах выступили слёзы. Девушки рассмеялись и стали учить его, как правильно вдыхать дым. Он с трудом от них отделался.

Он вышел из ванной, но не успел закрыть дверь. Несколько девушек, всё ещё держа его за руки, пытались его удержать. И в этот момент дверь в комнату с грохотом распахнулась.

На пороге стоял Чжуан Янь с мрачным выражением лица.

Его взгляд медленно скользнул по полуприкрытой халатом груди Чжун Цина, по тлеющей в его пальцах сигарете, по покрасневшим, словно от обиды, глазам и, наконец, остановился на женских руках, лежавших на его руке.

Сердце Чжун Цина ёкнуло. Он поспешно оттолкнул девушек и плотно закрыл дверь.

Он лениво прислонился к двери ванной и элегантно стряхнул пепел.

— Чжуан Янь? Что ты здесь делаешь?

— Я вам не помешал?

Чжуан Янь приближался шаг за шагом, пока не оказался вплотную к Чжун Цину.

Расстояние между ними было ничтожным. Чжун Цин был полностью окутан запахом Чжуан Яня. Агрессивный мужской аромат заставил его почувствовать себя неловко. Он попытался оттолкнуть его, но тот схватил его за запястья и прижал к стене над головой.

Лёгкое движение, и сигарета выпала из его пальцев, скользнув по руке Чжуан Яня.

Жгучая боль лишь усилила мрак в душе Чжуан Яня.

Сквозь матовое стекло двери ванной смутно виднелись несколько силуэтов.

Один.

Два.

Три.

Четыре.

Пять.

На губах Чжуан Яня появилась улыбка. Он наклонился к уху человека в своих объятиях и мягким, как вода, голосом произнёс:

— Чжун Цин, а ты и впрямь хорош.

<http://bllate.org/book/16114/1589002>